

УДК 94 (321)

«Пошел так, попал в кабак»: о причинах распространения питейных домов после винной реформы 1863 года

Н. Е. Горюшкина¹ ✉

¹Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Резюме

Актуальность выбранной для освещения темы определяется пригодностью опыта организации питейной торговли после винной реформы 1863 года при совершенствовании современного акцизного законодательства, несмотря на принципиальные изменения множества условий. Помимо практической значимости, статья важна и в научном плане, так как позволяет скорректировать еще весьма поверхностные представления о влиянии акциза на социальные процессы в пореформенной России.

Цель статьи – объяснить причины распространения питейных домов после утверждения акцизной системы взимания питейного сбора.

Задачи исследования состоят в: раскрытии специфики акцизного времени; установлении оснований для роста числа питейных домов; объяснении притягательности кабака для простолюдина в исследуемый период.

Методология включает в себя принципы историзма, объективности и системности, а также историко-генетический, историко-типологический и статистический подходы, благодаря которым решены задачи и достигнута цель исследования.

Результаты. В статье показано, как со вступлением в силу «Положения о питейном сборе» размножились места розничной продажи алкоголя. Основную долю в их числе составляли питейные дома (кабаки). Устраивались они в местах большого скопления народа и в немногочисленных местностях. Определен главный контингент посетителей кабака – извозчики, поденщики, ремесленники, крестьяне. Народ мучительно проходил этап освобождения от крепостной зависимости, кабак в определенной степени играл компенсационную роль. Государственный бюджет получил значительные суммы от питейной торговли, народное пьянство усилилось. Закон 14 мая 1885 г. упразднил кабаки, но беспатентная торговля процветала. Сила кабатчиков при свободном обороте алкоголя оказалась непоколебимой. По инициативе министра финансов С. Ю. Витте питейная торговля передавалась в руки государства.

Вывод. Винная реформа совпала по времени с отменой крепостного права. Росту числа кабаков способствовали: легкость при подборе помещений под кабаки, низкая стоимость патента, разрешение торговли в кабаках мелкими партиями по договорной цене, мягкие требования к личности виноторговца, ясная процедура получения разрешительного приговора. Для крестьян кабаки были не только местом для выпивки, но и центром сельской общественной жизни. Кабак окончательно был уничтожен только с введением казенной винной монополии.

Ключевые слова: акцизная система; винная реформа; питейный сбор; питейное заведение; кабаки.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2021 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

© Горюшкина Н. Е., 2021

Для цитирования: Горюшкина Н. Е. «Пошел так, попал в кабак»: о причинах распространения питейных домов после винной реформы 1863 года // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 3. С. 166–176.

Поступила в редакцию 14.04.2021

Принята к публикации 12.05.2021

Опубликована 25.06.2021

"I was Going this, I got in a Kabak": About the Reasons for the Spread of Drinking Houses after the Wine Reform of 1863

Natalia E. Goryushkina¹ ✉

¹Southwest State University

50 let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: gor046@yandex.ru

Abstract

The relevance of the topic chosen for coverage is determined by the suitability of the experience of organizing the drinking trade after the wine reform of 1863 with the improvement of modern excise legislation, despite the fundamental changes in many conditions. In addition to its practical significance, the article is also important from a scientific point of view, since it allows us to correct still very superficial ideas about the impact of excise tax on social processes in post-reform Russia.

The purpose of the article is to explain the reasons for the spread of drinking houses after the approval of the excise system for levying the drinking tax.

The objectives of the research are to reveal the specifics of the excise time; establishing the basis for an increase in the number of drinking houses; an explanation of the attractiveness of the tavern for the commoner in the period under study.

The methodology includes the principles of historicism, objectivity and consistency, as well as historical-genetic, historical-typological and statistical approaches, thanks to which the tasks were solved and the goal of the study was achieved.

Results. The article shows how, with the entry into force of the "Provision on Drinking Collection", the places of retail sale of alcohol have multiplied. The main share of them was drinking houses (taverns). They settled in places of a large concentration of people and in uncrowned localities. The main contingent of visitors to the tavern was determined - cabbies, day laborers, artisans, peasants. The people were painfully going through the stage of liberation from serfdom, the tavern to a certain extent played a compensatory role. The state budget received significant sums from the drinking trade, and drunkenness increased. The law of May 14, 1885 abolished taverns, but patent-free trade flourished. The strength of the innkeepers with the free circulation of alcohol was unshakable. On the initiative of the Minister of Finance S. Yu. Witte, the drinking trade was transferred into the hands of the state.

Conclusions. The wine reform coincided with the abolition of serfdom. The growth in the number of taverns was facilitated by: ease in the selection of premises for a tavern, low cost of a patent, permission to trade in taverns in small lots at a negotiated price, soft requirements for the personality of a wine merchant, a clear procedure for obtaining a permit. For the peasants, the tavern was not only a place for drinking, but the center of rural social life. The tavern was finally destroyed only with the introduction of the state wine monopoly.

Keywords: excise system; wine reform; Regulations on drinking tax; drinking establishment; pub.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Goryushkina N. E. "I was Going this, I got in a Kabak": About the Reasons for the Spread of Drinking Houses after the Wine Reform of 1863. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(3): 166–176. (In Russ.)

Received 14.04.2021

Accepted 12.05.2021

Published 25.06.2021

Введение

1 января 1863 г. вступило в силу
«Положение о питейном сборе», вы-

чайше утвержденное 4 июня 1861 г. [1]
Оно было направлено на решение двух,
на первый взгляд, взаимоисключающих,

задач: 1) обеспечить финансовую стабильность государственного бюджета за счет поступлений с алкоголя и 2) сократить народное пьянство.

Реформаторы исходили из того, что любые ограничения в отношении алкоголя, а при откупах их было более чем достаточно, формируют у народа привычку смотреть на вино как на лакомство и напиваться при каждом удобном случае. Объявленная же «Положением» свобода оборота алкоголя сделает употребление вина равномерным и умеренным, питейный сбор будет платить не горький пьяница, а крепкий хозяин, выпивающий после трудового дня рюмку вина.

Первые результаты винной реформы проявились скоро. Они разделили общество на два непримиримых лагеря. Народ потерял всякую возможность оставаться трезвым, – этой точки зрения придерживались критики преобразования (А. П. Шипов [2], М. П. Погодин [3], Д. Диман [4] и др.). Диапазон их высказываний простирался от мягкой критики до едких ругательств. К примеру, основатель журнала «Вестник промышленности» А. П. Шипов сравнивал винно-акцизную систему с «язвой, требующей безотлагательного лечения» [2, с. 26]. Сторонники реформы (Н. С. Терский [5], С. Т. Еремеев [6], С. Н. Цвет [7] и др.) продолжали настаивать, что свободная конкуренция обязательно создаст условия, выгодные и потребителю, и торговцу, нужно только запастись терпением. Их общий взгляд отразил ревизор Департамента неокладных сборов Министерства финансов Н. С. Терский: «Акцизная система теоретически является едва ли не лучшим из всех известных способов взимания налога с крепких напитков» [5, с. 252].

Публицистические, научные, меж- и внутриведомственные баталии вокруг винной реформы обрастали правовой,

статистической и прочей аргументацией, но не сближали позиций сторон. Напротив, отношение к акцизу в конце XIX – начале XX в. еще более поляризовалось.

Советские исследователи считали тему неактуальной и в обозначенном тематическом поле не работали.

Только введение акцизной системы для регулирования оборота алкоголя в 1991 г. воскресило интерес к опыту винной реформы 1863 г. За три последних десятилетия историография пополнилась серьезными научными исследованиями по теме, однако целый ряд вопросов, весьма важных, так и оставлены без внимания. Не выясненными до конца остаются причины размножения кабаков после винной реформы 1863 г., нет объяснений притягательности питейных домов для крестьян.

В данной статье предпринята попытка аргументировать ряд соображений на этот счет.

Методология

Достоверность содержания статьи была обеспечена привлечением широкого круга источников, включая законодательные и нормативные акты, статистические сборники, мемуары и художественную литературу. Значительная часть источников не использовалась до этого в научных целях.

Теоретической основой работы стали три тесно связанных между собой принципа – историзма, объективности и системности. Первый принцип позволил рассмотреть кабак в контексте истории пореформенной России; второй – избежать односторонности в рассмотрении исторических фактов и вынести беспристрастные суждения по теме; третий – отразить действительные, а не формальные причины распространения кабаков при акцизе.

Для полного раскрытия темы были применены историко-генетический, историко-типологический и статистический методы. Они предоставили возможность, во-первых, установить основания для роста числа питейных домов, во-вторых, выявить специфику питейных домов в период действия акцизной системы, в-третьих, увеличить доказательность при раскрытии причин распространения питейных домов при акцизе.

Результаты и их обсуждение

Со вступлением «Положения о питейном сборе» в силу места розничной продажи алкоголя открылись во множественном числе. Уже в 1863 г. их численность превысила 257,5 тыс., что было почти втрое больше, чем при откупках [8, с. 118]. В 1867 г. количество питейных заведений увеличилось до 411 тыс. Ни одно из них без покупателей не осталось [8, с. 118].

Заработанные тяжким трудом деньги потекли в руки кабатчиков. «Работая почти семей, – читаем мы в “Курском сборнике”, – слобожане [речь идет о Казацкой слободе близ города Курска. – Н. Г.] имели бы довольно обеспеченное существование, если бы, к сожалению, среди мастеровых слободы, как и вообще наших мастеровых, не был развит порок пьянства <...>. В слободе есть даже особенный тип бесшабашных пьяниц, известных, по местному названию, под именем „моряков“. Трудно сказать, почему им дано такое название, быть может, потому, что „пьяному море по колено“ <...>. „Моряки“ толпами наводняли дома дикого разгула. Хриплые голоса их песен, брань неслись из растворенных кабацких дверей и оглашали слободские улицы» [9, с. 116].

Бесспорно, что при многообразии мест реализации алкоголя самым распро-

страненным видом питейных заведений стали кабаки. «Усадьбы переводятся, / Взамен их распложаются / Питейные дома!» – подмечал Н. А. Некрасов [10].

«Разпложению» кабаков, как видится, способствовали следующего рода обстоятельства: 1) легкость при подборе помещений под кабак; 2) относительно невысокий патентный сбор (в местностях 1-го разряда – 100 руб., 2-го разряда – 50 руб., 3-го разряда – 15 руб.); 3) дозволение торговать мелкими партиями (ренсковые погреба отпускали алкоголь объемами в $\frac{1}{4}$ ведра и более, заведения трактирного типа – с наценкой). Водка продавалась в кабаках на вынос и распивочно («в раздроб»). Содержать питейный дом было дозволено всякому лицу, имевшему право на «мелочную торговлю», с разрешения: а) в городах и посадах от дум или заменяющих их мест; б) в казенных и удельных селениях – от сельских обществ; в) в землях казачьих войск – от станичных сборов и т. д. [1, с. 68–69, 81]

Общественный приговор кабатчику получить было несложно: сельскому сходу выставлялись одно-два ведра водки (смотря по величине села), и приговор был готов. Вместе с приговором кабатчик добивался от селян заверений в том, что другой кабак поблизости не появится и никто из них не будет пить в кабаках соседних деревень.

Устраивались кабаки и в местах большого скопления народа (что было предпочтительнее), и в немногочисленных местностях. Подтверждение сказанному мы находим у М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Справа у меня – деревенский поселок, при въезде в который стоит столб и на нем значится: душ 24, дворов – 10. На это не особенно громадное население существует два кабака, которые очень редко пустуют. Сверх того, с небольшим в полуверсте от меня, налево, рядом с моей

границей, воздвигнут третий каба́к. Вообще каба́кам в этой местности посчастливилось. Когда я еду на станцию железной дороги, то на пространстве четырнадцати верст до шоссе встречаю еще четыре каба́ка. А между тем местность эта вполне пустынная» [11, с. 320].

Внутреннее устройство каба́ка было незатейливым: выставка, стойка, столы да лавки.

Главный контингент посетителей – ломовые извозчики, поденщики, мастера, ремесленники, крестьяне. С утра до вечера заседали здесь пропойцы, всякого рода неудачники, босяки, лентяи, а также работный люд и крестьяне. До реформы последние имели над собой строгий надзор в лице помещика, управляющего, старосты. Теперь крестьянин стал «свободным обывателем» и сам изыскивал способ проведения свободного времени.

Поводов, чтобы выпить, в России всегда было с избытком – праздник (в церковном календаре их около 50), свадьба, похороны, окончания посевных и уборочных работ, первый выгон скота в поле, рыночные дни и т. п.

Если в православной традиции праздник предполагал посещение церкви, молитву, то народный идеал праздника обязательно включал выпивку. «Достаточно только видеть, что творится на Масленице, например, в селе Зуеве и т.п. местах скопления рабочего люда, – писал неперменный член по питейным делам присутствия П. А. Распопов, – достаточно побывать в этих пунктах в Великий Четверг, Пятницу, и даже Страстную Субботу, когда рабочие, получив деньги, несмотря на такие великие в жизни каждого христианина дни, наполняют все кабаки и трактиры, из которых несется гомон и смех, раздаются песни и слышится топот пьяной пляски; достаточно сказать, что в

каждом таком пункте насчитывается по несколько сот так называемых „котов“, которые положительно так держат местное население в осаде, в особенности во время праздников; подаяния вымогают грубостью и нахальством. Достаточно сказать, что с наступлением сумерек жители таких мест, из опасения быть ограбленными и избитыми, не выходят на улицу, что крики „держи его“ и „караул“ сплошь и рядом нарушают ночную тишину; пьяные попадают на каждом шагу; многие валяются у домов и заборов» [12, с. 93].

С отменой крепостного права вековой уклад жизни крестьян подвергся резкой перемене. Став свободным обывателем, он получил земельный надел, но потерял право пользоваться лесом, выгонами, покосами. Ему требовалось распорядиться и собой, и землей, заработать деньги на уплату податей и выкупных платежей. Многие с этими задачами справиться не могли и впадали в уныние. «Гнетущая скука жизни при крайней скудости духовных интересов, столь свойственная нашим уездным захолустьям», вела прямоком в каба́к [13].

Каба́к с нетерпением (официально – с 7 утра до 21 часа вечера) ждал своего посетителя. В каба́ке можно было найти компанию или напиться в одиночку. Во хмелю тяготы жизни уходили на задний план. Если в кармане не было гроша, в каба́ке нет-нет да и кто-то угостит мерзавчиком [125 грамм. – *Н. Г.*]. Но не только выпивка манила крестьянина в каба́к. При минимальном развитии общественных мест питейный дом выполнял функцию клуба, где посетители делились радостями и бедами, узнавали новости, обсуждали политику, разрешали споры, заключали сделки. «Там и суд, и питра, и все: уж ежели задумали порешать какое дело, сейчас все гурьбой идут к каба́ку», – сви-

детельствовал писатель Н. В. Успенский [14, с. 61].

Грязь, бестолковый говор, смрад кабака не смущали простолюдина, хотя «сколько-нибудь интеллигентному человеку войти в кабак было противно и совестно» [15, с. 61]. Описание одного из них оставил известный публицист С. А. Раппопорт: «Большая, не особенно высокая комната, с закоптелыми стенами и полом, покрытым толстым слоем грязи. Налево, в углу, „стойка“-прилавок, у противоположенной стены – лежанка с вмазанным котлом; у лежанки длинная, узкая скамья. У окон небольшие красные, покрытые липкой грязью, столики. У стены, под полками с сортовой водкой, два трехведерных бочонка. За ними и во всех углах, где только было свободное место, лежало кучами разного тряпья <...>. Были там и разные инструменты: от пилы до сапожного утюга без ручки. Все это – заклады, которые в тяжелые минуты всевозможная голь сдирает с тела, вытаскивает из дому и несет <...> с поклонами и мольбой дать под заклад рюмку» [16, с. 5-6]

Кабатчики были людьми предприимчивыми и не гнушались средствами для «усугубления» торговли. Выставки алкоголя имели «изящный вид»: в четырехугольных, грязно-зеленого стекла штофах стояли лучшие сорта и готовые настойки и наливки: полынная, перцовая, анисовая, зверобойная, малиновая, рябиновая и «ром, пахнувший иногда сургучом, а больше клопами» [17, с. 342]. Балалайки, карты, публичные женщины – все для посетителей. Названия у кабаков были соответствующими: «Омут», «Яма», «Разгуляй», «Кинь-Грусть».

«Положением о питейном сборе» крепость вина не устанавливалась. По Закону 17 августа 1862 г. она не могла быть ниже 38° по спиртометру Траллеса [18]. Несколько раз это требование продля-

лось. Законом 18 июня 1868 г. обязательной для всех заведений и местностей России стала крепость в 40° [19]. Но кабатчик вместе с вином продавал воду, потому как усиленно разводил водку водой. Обнаружить это было непросто. Только неопытный кабатчик «портил» вино в бочке, в большинстве случаев рассиропка проходила в той посуде, которая подавалась на стол. Решался кабатчик на рассиропку, когда видел, что посетитель охмелел, раздобрел, внимание его притупилось. Для тех, кто пил у стойки, наготове были стаканы из толстого стекла, которое, с одной стороны, сокращало объем вливаемого алкоголя, с другой – не позволяло рассмотреть ту воду, что уже была налита в стакан [20, с. 114].

Слабость спиртового раствора усиливалась перцем, табаком, горчицей, купоросным маслом, кукельваном. Они же должны были устранить неприятный вкус естественных примесей, в первую очередь сивушного масла, производящего тяжелое похмелье и вредно действовавшего на нервную систему, органы пищеварения [21].

Закусок в кабаке не подавали. Иногда на прилавок выставляли хлеб с солью, селедку, соленые огурцы, квашеную капусту – кушанья, вызывающие у посетителей жажду и «подталкивающие» их к новой порции алкоголя.

Несмотря на свое качество, вернее сказать, на его отсутствие, водка отпускалась втридорога. В селениях, где конкурентов было много, ведро уходило по 5 руб. 50 коп., а там, где кабатчик чувствовал себя монополистом, – по 6–7 руб. В первом случае бырыш, рассчитывая, что торговля велась добросовестно, составлял 1 руб., во втором – от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. 50 коп. за ведро [21].

Не было кабатчика, который бы не отпускал алкоголь в долг, под заклад

хлеба, одежды, домашнего инвентаря. Редкий мужик в округе не числился у него в должниках. Летние заработки шли на уплату зимних долгов.

Питейные дома редко ревизовались акцизными чиновниками. Так, на подконтрольной Курскому губернскому акцизному управлению территории было открыто 2137 питейных заведений, не считая временных выставок на ярмарках и буфетов на благотворительных вечерах, и каждому акцизному чиновнику требовалось обревизовать за полгода по 176 мест питейной торговли при массе непосредственной работы, включающей надзор за подакцизным производством [22]. Отсутствие ревизий в кабаках усиливало произвол.

Кабак губительно влиял на общественные нравы, потому порицался церковью. Бывали случаи, когда крестьяне, под влиянием священников, поднимали голос против кабака, но такие выступления дорого им обходились – «протестанты» лишались дармовой выпивки, теряли приятелей, приобретали опасного врага в лице кабатчика. В противостоянии кабака и церкви преимущество оставалось за первым. В обиход в то время прочно вошли пословицы: «Два кабака на селе, а церковь на горе», «Хоть церковь и близко, да ходить склизко; а кабак далеко, да хожу потихоньку»; «Шел в церковь, а попал в кабак»; «На балалайку станет, и на кабак станет, а на свечку не станет»; «Ходи в кабак, вино пей, нищих бей, будешь архиерей!» [23, с. 687].

Общество требовало от правительства положить конец кабацкому разгулу. Государство, отзываясь на общественные запросы, ограничило круг лиц, кому дозволена питейная торговля, повысило стоимость патента, ужесточило требования к открытию питейного дома и, наконец, Законом 14 мая 1885 г. вовсе упразднило

кабаки. Распивочная торговля была дозволена только в заведениях трактирного типа, где вместе со спиртным потребители могли купить кушанья. Но «кабак, – по замечанию известного русского юриста А. Ф. Кони, – не погиб. <...> Сойдя официально с лица земли, кабак ушел под землю, в подполье для тайной продажи водки, став от этого еще более опасным» [24, с. 62].

Массовость подпольной торговли подтверждается числом правонарушений, открытых акцизными чиновниками. В 1887 г. зафиксировано 19904 случая беспатентной торговли, в 1895 г. – 13898 [25, с. 87–88]. Учитывая, что обнаруживалась лишь малая часть тайных кабаков, можно уверенно утверждать, что беспатентные питейные дома существовали всюду, где это было сколько-нибудь выгодно. Крестьяне не выдавали тайные кабаки, кто-то из-за боязни мести со стороны кабатчика, кто-то сберегая для себя «припоенное» место.

Сила кабатчиков, несмотря на принимаемые правительством меры, в условиях свободного оборота алкоголя оставалась непоколебимой. Интересы фиска и народного здоровья требовали кардинальных решений. В 1893 г., выступая в Государственном Совете, министр финансов С. Ю. Витте заявил: «Свобода кабацкого промысла несовместима со значением в государственном и народном хозяйстве вина, составляющего предмет сего промысла» [25, с. 92]. Он отказался от распутывания узла проблем, связанных с частной виноторговлей, и предложил разрубить его. По инициативе министра финансов 6 июня в 1894 г. Александр III высочайше утвердил «Положение о казенной продаже питей» [26]. Питейная торговля перешла в руки государства.

Выводы

Подведем итог сказанному выше. Свободный оборот алкоголя способствовал росту числа питейных заведений, в первую очередь кабаков. Распространение кабаков являлось следствием легкости требований при подборе помещений под кабак, низкой стоимости патента, дозволения торговать в кабаках мелкими партиями по договорной цене, ясная процедура получения разрешительного при-

говора и т. д. Крепость вина не устанавливалась, что расширяло возможности к фальсификации спиртного, увеличивало прибыль кабатчика. Для крестьян кабак был не только местом для выпивки, но и центром общественной жизни. Акцизный надзор над кабаками был недостаточным. Хотя государственный бюджет получал значительные суммы от питейной торговли, народное пьянство росло. Кабак окончательно был уничтожен только с введением казенной винной монополии.

Список литературы

1. Положение о питейном сборе, высочайше утвержденное 4-го июля 1861 года. М.: В Тип. А. Семина, 1862. 160 с.
2. Шипов А. П. Наше земство и наша винно-акцизная система. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1870. 191 с.
3. Погодин М. П. По поводу рассуждений о пьянстве // Сочинения М. П. Погодина. Т. 1: Речи, произнесенные М. П. Погодиным в торжественных и прочих собраниях, 1830–1872. М.: Синод. тип., 1872. С. 417–418.
4. Диман Д. О влиянии нашей винноакцизной системы на нравственность и благосостояние народа. СПб.: Тип. Майкова, 1871. 29 с.
5. Терский Н. С. Питейные сборы и акцизная система в России: Исторический очерк и настоящее положение: Опыт сравнительного исследования главнейших результатов акцизной системы и ее значения для государства, казны и населения. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1890. 252 с.
6. Еремеев С. Т. Питейный вопрос. Киев: Тип. С. Т. Еремеева, 1874. 107 с.
7. Цвет С. Н. По вопросам государственного хозяйства: По питейному вопросу: Об улучшении действующей системы акцизного сбора. Ревель: Эстляндская губернская тип., 1878. 40 с.
8. Отчет бывшего Департамента неокладных сборов, а ныне Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей за 1895 год. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1897. 568 с.
9. Курский сборник. Курск: Изд. Курского губернского статистического комитета, 1902. 197, 10 с.
10. Некрасов Н. А. Кому на Руси жить хорошо. URL: <https://ilibrary.ru/text/13/p.6/index.html> (дата обращения: 31.03.2021).
11. Салтыков-Щедрин М. Е. Убежище Монрепо. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1880. 211 с.
12. Роспопов П. А. Данные о положении питейного дела в Богородском уезде Московской губернии. Приложение к статистическому ежегоднику Московской губернии за 1898 год. М.: Московское губернское земство, 1898. 178 с.

13. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 1463. Оп. 1. Д. 275. Л. 2.
14. Успенский Н. В. Хорошее житье // Повести, рассказы и очерки. М.: Гослитиздат, 1957.
15. Смолич М. Н. Вред и польза вина и питейная реформа. СПб.: Тип. «Труд», 1902. 103 с.
16. Раппопорт С. А. Собрание сочинений С. А. Анского. СПб.: Просвещение, 1913. Т. 5. 365 с.
17. Гиляровский В. А. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 2: Трущобные люди. М.: Полиграфресурсы, 1999. 466 с.
18. О мерах к ограждению интересов казны по питейной части // Полное собрание законодательства российской империи. Собр. 2. Т. 37, ч. 3, №38582.
19. Высочайше утвержденная новая редакция статей Устава о питейном сборе // Полное собрание законодательства Российской империи. Собр. 2. Т. 43, ч. 1, №46003.
20. Осипов О. Н. Ритуал сибирской свадьбы // Живая старина. СПб., 1893. Вып. 1. С. 96–114.
21. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2669. Л. 85 об., 214.
22. ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 533. Л. 74.
23. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х ч. М.: Изд. общества любителей Российской словесности, 1865. Ч. 2. С. 629–1351.
24. Кони А. Ф. Записки и воспоминания. М.: Юрайт, 2018. 250 с.
25. Фридман М. И. Винная монополия в России. М.: Общество купцов и промышленников, 2005. 560 с.
26. Положение о казенной продаже питей // Полное собрание законодательства Российской империи. Собр. 3. Т. 14, №10766.

References

1. Polozhenie o pitejnom sbore, vysochajshe utverzhdennoe 4-go iyulya 1861 goda [Regulations on the drinking collection, most highly approved on July 4, 1861]. Moscow, V Tip. A. Semina, 1862. 160 p.
2. Shipov A. P. Nashe zemstvo i nasha vinno-akciznaya sistema [Our zemstvo and our wine-excise system]. St. Petersburg, Tip. A. M. Kotomina, 1870. 191 p.
3. Pogodin M. P. Po povodu rassuzhdenij o p'yanstve [About the reasoning about drunkenness]. Sochineniya M. P. Pogodina. Vol. 1. Rechi, proiznesennye M. P. Pogodinym v torzhestvennyh i prochih sobraniyah, 1830–1872 [The works of M. P. Pogodin. Vol. 1. Speeches delivered by M. P. Pogodin in solemn and other meetings, 1830-1872]. Moscow, Sinod. tip., 1872, pp. 417–418.
4. Diman D. O vliyanii nashej vinnoakciznoj sistemy na нравstvennost' i благосостояние народа [On the influence of our wine excise system on the morals and welfare of the people]. St. Petersburg, Tip. Majkova Publ., 1871. 29 p.
5. Terskij N. S. Pitejnye sbory i akciznaya sistema v Rossii: Istoricheskij ocherk i nastoyashchee polozhenie: Opyt sravnitel'nogo issledovaniya glavnejshih rezul'tatov akciznoj sistemy i ee znacheniya dlya gosudarstva, kazny i naseleniya [Drinking fees and the excise system in

Russia: A historical sketch and the present situation: The experience of a comparative study of the main results of the excise system and its significance for the state, the treasury and the population]. St. Petersburg, Tip. V. F. Kirshbauma Publ., 1890. 252 p.

6. Eremeev S. T. Pitejnyj vopros [Drinking question]. Kiev, Tip. S. T. Eremeeva Publ., 1874. 107 p.

7. Cvet S. N. Po voprosam gosudarstvennogo hozyajstva: Po pitejnomu voprosu: Ob uluchshenii deystvuyushchej sistemy akciznogo sbora [On issues of state economy: On the drinking issue: On improving the current system of excise duty]. Revel', Estlyandskaya gubernskaya tip. Publ., 1878. 40 p.

8. Otchet byvshego Departamenta neokladnyh sborov, a nyne Glavnogo upravleniya neokladnyh sborov i kazennoj prodazhi pitej za 1895 god [Report of the former Department of Non-tax collections, and now the Main Department of Non-tax Collections and the State sale of Drinks for 1895]. St. Petersburg, Tip. E. Evdokimova Publ., 1897. 568 p.

9. Kurskij sbornik [Kursk collection]. Kursk, Izd. Kurskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta, 1902. 197, 10 p.

10. Nekrasov N. A. Komu na Rusi zhit' horosho [Who lives well in Russia]. Available at: <https://ilibrary.ru/text/13/p.6/index.html>. (accessed 31.03.2021)

11. Saltykov-Shchedrin M. E. Ubezishche Monrepo [Monrepos Hideout]. St. Petersburg, Tip. A. S. Suvorina Publ., 1880. 211 p.

12. Rospopov P. A. Dannye o polozhenii pitejnogo dela v Bogorodskom uezde Moskovskoj gubernii. Prilozhenie k statisticheskomu ezhegodniku Moskovskoj gubernii za 1898 god [Data on the situation of the drinking business in the Bogorodsky district of the Moscow province. Appendix to the statistical Yearbook of the Moscow Province for 1898]. Moscow, Moskovskoe gubernskoe zemstvo Publ., 1898. 178 p.

13. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii) [State Archive of the Russian Federation], f. 1463, op. 1, d. 275, l. 2.

14. Uspenskij N. V. Horoshee zhit'e [Good life]. Povesti, rasskazy i ocherki [Novellas, short stories and essays]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1957.

15. Smolich M. N. Vred i pol'za vina i pitejnaya reforma [Harm and benefit of wine and drinking reform]. St. Petersburg, Tip. "Trud", 1902. 103 p.

16. Rappoport S. A. Sobranie sochinenij S. A. Anskogo [Collected works of S. A. Ansky]. St. Petersburg, Prosveshchenie Publ., 1913, vol. 5. 365 p.

17. Gilyarovskij V. A. Sobranie sochinenij. Vol. 2: Trushchobnye lyudi [Collected works. Vol. 2. Slum people]. Moscow, Poligrafresursy Publ., 1999. 466 p.

18. O merah k ograždению interesov kazny po pitejnoj chasti [On measures to protect the interests of the treasury in the drinking part]. *Polnoe sobranie zakonodatel'stva rossijskoj imperii* = *Complete Collection of the legislation of the Russian Empire*. Collection 2, vol. 37, pt. 3, no. 38582

19. Vysochajshe utverzhennaya novaya redakciya statej Ustava o pitejnom sbore [The most highly approved new edition of the Articles of the Charter on the drinking collection]. *Polnoe sobranie zakonodatel'stva rossijskoj imperii* = *Complete Collection of the legislation of the Russian Empire*. Collection 2, vol. 43, pt. 1, no. 46003.

20. Osipov O. N. Ritual sibirskoj svad'by [The ritual of the Siberian wedding]. *Zhivaya starina* = *Living antiquity*. St. Petersburg, 1893, is. 1, pp. 96–114.

21. GAKO (Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti) [State Archive of the Kursk Region], f. 1, op. 1, d. 2669, l. 85 ob., 214.
22. GAKO, f. 37, op. 1, d. 533, l. 74.
23. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the living Great Russian language]. Moscow, Izd. obshchestva lyubitelej Rossijskoj slovesnosti Publ., 1865, pt. 2, pp. 629–1351.
24. Koni A. F. Zapiski i vospominaniya [Notes and memoirs]. Moscow, Yurajt Publ., 2018. 250 p.
25. Fridman M. I. Vinnaya monopoliya v Rossii [Wine monopoly in Russia]. Moscow, Obshchestvo kupcov i promyshlennikov Publ., 2005. 560 p.
26. Polozhenie o kazennoj prodazhe pitej [Regulation on the state sale of drinking drinks]. *Polnoe sobranie zakonodatel'stva rossijskoj imperii = Complete collection of legislation of the Russian Empire*. Collection 3, vol. 14, no. 10766.

Информация об авторе / Information about the Author

Горюшкина Наталья Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и социально-культурного сервиса, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: gor046@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4643-0108

Natalia E. Goryushkina, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Social and Cultural Service, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: gor046@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4643-0108